

УДК: 930.26(571.63)

ЗАЙСАНОВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Евгений Борисович КРУТЫХ,

младший научный сотрудник сектора ох-
ранных археологических работ Института
истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: lab39@mail.ru

Автором предлагается концепция, согласно которой в зайсановской культуре выделяются локально-хронологические варианты (приханкайский, раннезайсановский, хасанский, юго-восточный), которые демонстрируют развитие единой неолитической традиции в позднем неолите юга Дальнего Востока.

Ключевые слова: зайсановская культура, локально-хронологический вариант, поздний неолит, юг Дальнего Востока.

ZAISANOVSKAYA ARCHAEOLOGICAL CULTURE:
THE PROBLEM OF INTERPRETATION

Yev. B. Krutikh, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

A conception is brought forth by the author, according to which the Zaisanovskaya culture can be divided into some local and chronological variants (Khanka Lake-side variant, Early Zaisanovskaya variant, Khasan variant, South-Eastern variant). All the variants demonstrate the development of united Neolithic tradition in the Late Neolithic at the South of the Russian Far East.

Key words: Zaisanovskaya culture, local and chronological variant, Late Neolithic, South of the Russian Far East.

Термин «зайсановская культура» был предложен Г.И. Андреевым. В первоначально выделенном виде зайсановская культура характеризуется сочетанием штампованного и прочерченного орнаментов (с некоторым преобладанием последнего), большим числом морфологических типов сосудов (чаши, горшковидные «парадные» сосуды), улучшением качества обработки поверхностей (лощение), разнообразием мотивов орнамента и композиционно-зонального оформления сосудов, появлением керамических пряслиц [Андреев, 1959, с. 6—7; 1960, с. 156—157] в сравнении с предыдущим периодом неолита. В каменном инвентаре отмечается сочетание ретушированных и шлифованных орудий. Наличие гребенчатых

штампов, характеризующих более ранний этап неолита, и «парадных» сосудов позволяло рассматривать зайсановскую культуру как образование, развивающееся в течение всего периода позднего неолита.

Данную культуру Г.И. Андреев отнёс ко II тыс. до н.э., рассматривая её как наиболее раннюю на побережье залива Петра Великого в период позднего неолита и бронзы [Андреев, 1959, с. 4—8], а характерным памятником предложил считать поселение Зайсановка-1, отмечая его поздний характер (2-я половина II тыс. до н.э.) [Андреев, 1959, с. 7]. По мнению Г.И. Андреева, происхождение зайсановской культуры относится к началу II тыс. до н.э. и связано со взаимодействием пришлого из Северо-Восточного Китая населения (керамика с прочерченными узорами и каменные ретушированные орудия из обсидиана) с местным (керамика со штампованным гребенчатым орнаментом и каменные орудия из кремнистых сланцев). В результате контакта двух культурных компонентов была образована культура «смешанного характера», в круг памятников которой вошли поселения Зайсановка-1, Кроуновка-1 и Кировский [Андреев, 1960, с. 156—157; 1959, с. 5—6].

Очевидные различия в комплексах памятников культуры в исследованиях 1950—1980-х гг. не вызывали сомнений и получили объяснения в различных подходах к пониманию феномена зайсановской культуры. В рамках этих подходов памятники и соответственно комплексы инвентаря систематизировались по хронологическому, локальному, локально-хронологическому принципам.

При хронологическом принципе структурирования памятников зайсановской культуры основной была концепция постепенного развития качественных характеристик инвентаря. Так, Г.И. Андреев рассматривал материалы Кировского как ранние, а Зайсановки-1 — как поздние [Андреев, 1960, с. 156—157].

А.П. Окладников первоначально выделил два периода: к раннему отнесено поселение Кировский, для комплекса которого характерны следующие признаки: использование обсидиана и кремнистого сланца для изготовления каменных орудий; односторонне-выпуклые в сечении шлифованные тёсла; сланцевые (шиферные) ножи; усечённо-конические плоскдонные сосуды, орнаментированные штамповым декором и прочерченным вертикальным зигзагом. Поздний период выделен на основе материалов поселения Зайсановка-1, отличающихся широким использованием обсидиана для изготовления ретушированных орудий (ножи и наконечники стрел удлинённо-треугольных очертаний), овальными в сечении шлифованными топорами, баночными сосудами и чашами, орнаментированными прочерченными заштрихованными треугольниками, вертикальным зигзагом, рядами косых вдавлений, а также «нарядными» сосудами со сложным профилем, лощёной поверхностью и полосой меандра [Окладников, 1958, с. 23—29].

В последующем А.П. Окладников к ранним отнёс поселение Олений-1 (сосуды с прочерченным зигзагом, отсутствие в орнаментации мотива меандра), к более поздним — поселение Зайсановка-1 (парадные

сосуды с меандром, овальные в сечении шлифованные топоры). А заключительная стадия культуры, по его мнению, представлена поселением Кроуновка-1 («пузатые» сосуды с чётко выраженной шейкой и прямоугольные в сечении шлифованные топоры) [Окладников, 1970, с. 77—78].

Наибольшее развитие хронологического принципа отмечено в работах Д.Л. Бродянского. Значительный материал, полученный при раскопках памятников Синий Гай А и Б, Олений, Кроуновка-1, послужил основой для формирования концепции зайсановской культуры, последовательно прошедшей ряд хронологических этапов, но сохранившей при этом неразрывную связь между ними. Эта схема неоднократно изменялась и дополнялась, количество периодов первоначально составляло три [Бродянский, 1969, с. 7—8; 1977, с. 62—64], затем — четыре [Бродянский, 1975, с. 180—182; 1979], в последующем — пять этапов [Бродянский, 1987; 1995б, с. 11, 13; 1980, с. 35, 38].

Локальный принцип структурирования зайсановской культуры предполагал группировку памятников с наиболее сходными комплексами, расположенными на одной территории. А.В. Гарковик отнесла памятники этого периода к финальной стадии развитого неолита и поставила вопрос об однородности зайсановской культуры [Гарковик, 1986а, с. 117]. А.В. Гарковик предложила выделить в зайсановской культуре территориальные группы памятников на юге (Зайсановка-1, Бойсмана-1, Бойсмана-2) [Гарковик, 1994, с. 27—30] и западе Приморья (Синий Гай Б, Кроуновка-1, Боголюбовка-1, Новоселище-4) [Гарковик, 1989, с. 10].

Локально-хронологический принцип предполагает рассмотрение развития зайсановской культуры как в периодизационном, так и в локальном понимании. На основании анализа зайсановского компонента памятника Рудная Пристань В.И. Дьяков связывает памятники Южного Приморья и памятники восточного побережья Приморья, в чьих материалах отмечались зайсановские аналогии. Он выделяет в зайсановской культуре два этапа: на первом, «южноприморском», этапе памятники локализируются в районе залива Петра Великого, на втором, «североприморском», происходит продвижение носителей культуры вдоль побережья к северу. При этом сохраняются зайсановские элементы, которые к 1-й половине I тыс. до н.э. полностью ассимилируются лидовской культурой [Дьяков, 1980, с. 77—78].

С развитием приморской археологии формирование структурной модели зайсановской культуры натолкнулось на проблему, достаточного внимания которой ранее не уделялось, — проблему соответствия современного объяснения феномена зайсановских памятников пониманию археологической культуры в целом. Предложенные ранее определения зайсановской культуры не позволяли выявить такое соответствие, а первоначальные характеристики «позднего» и «смешанного» характера культуры приобрели новый, «глубинный», смысл. Это предопределило формирование концепций, появившихся в 2000-е гг. и рассматривающих зайсановскую культуру как конгломерат различных культурных образований, имеющих слабую сопряжённость своих инвентарных комплексов

между собой, что, по мнению исследователей, позволяет трактовать понятие «зайсановская культура» как временный конструкт, призванный группировать памятники до формирования новых аргументированных терминов (общность, традиция) [Вострецов, 2005; Яншина, Клюев, 2005].

О.В. Яншина поставила под сомнение саму возможность существования единой зайсановской культуры. Основой её концепции служила идея о систематизации памятников неолита — палеометалла согласно системе критериев, основанных на характеристиках керамических изделий и каменного инвентаря. По мнению автора, в зайсановской культуре выделяются четыре самостоятельные группы памятников, интерпретация комплексов которых не позволяет рассматривать их в рамках одной культуры: прибрежная, зайсановская, приханкайская, восточная приханкайская [Клюев, Яншина, 2004, с. 197; Яншина, Клюев, 2005; Яншина, 2001, с. 11, 14; Яншина, 2003, с. 109—111]. Развивая концепцию, О.В. Яншина и Н.А. Клюев отмечали, что подобные группы могут рассматриваться как самостоятельные культуры, общность которых вызвана стадильной близостью и принадлежностью к одной культурной зоне. Дополняя группировку памятников периодизационным аспектом, они предлагают концепцию «зайсановской неолитической общности» позднего неолита, выделяя в ней два этапа. К раннему этапу (III тыс. до н.э.) относится прибрежная и часть зайсановской групп (Зайсановка-7, Кроуновка-1 (ранний неолитический комплекс). Поздний этап (II тыс. до н.э.) представлен приханкайской и частично зайсановской группами (Зайсановка-1) [Яншина, Клюев, 2005, с. 200—201].

Ю.Е. Вострецов предложил термин «зайсановская культурная традиция» (4800—3300 л.н.). Появление этой традиции он связывает с приходом из Маньчжурии в Приморье населения с земледельческой культурной адаптацией в результате миграций, вызванных климатическими изменениями в начале суббореала [Вострецов, 2005, с. 162—166; 2003]. В развитии традиции он выделяет ряд этапов. Ранний этап (5290—4700 л.н.) включает две миграционные волны: первая проходила по долине р. Раздольной и представлена памятниками с верёвочной традицией — Кроуновка-1, Рыбак-1 (ранний горизонт), Бойсмана-2 (средний горизонт), Бойсмана-1, Гвоздево-4, Клерк-5; вторая — по долине р. Туманной и включала памятники посъетской группы (Зайсановка-7, Посъет-1). Валентиновская группа памятников формировалась, скорее всего, на местной основе под влиянием зайсановской традиции (Валентин-перешеек и др.). На среднем этапе (3760—4260 л.н.) выделяется гладковская группа памятников (верхний зайсановский горизонт Бойсмана-2, Зайсановка-1) и памятники в районе устья р. Зеркальной (Рудная Пристань, Устиновка-8), которые интерпретируются как более поздний вариант валентиновской группы. Поздний этап традиции представлен памятниками приханкайской группы, которая, по мнению Ю.Е. Вострецова, в начальный период, вероятно, сосуществовала с гладковской в другой природной зоне. Восточный вариант приханкайской группы рассматривается как пример развития иной культурной адаптации [Вострецов, 2005, с. 167]. В целом Ю.Е. Вос-

трещов рассматривает памятники зайсановской культурной традиции как средний, поздний и финальный этапы неолита Южного Приморья [Вострецов, 2005, с. 168].

На основе материалов неолитического слоя поселения Валентин-перешеек, а также Рудной Пристани и некоторых других была выделена группа прибрежных памятников, которая рассматривалась как особая культура III тыс. до н.э., отличная от современной ей зайсановской культуры [Валентин..., 1987; Гарковик, 1994, с. 25—26].

В результате исследований за последние полвека представления о зайсановской культуре эволюционировали от общей характеристики этапа позднего неолита до дискуссии о проблемах внутренней структуры и характере культурной интерпретации зайсановских памятников. Несмотря на достаточно представительный корпус идей и концепций, исследователи пока не пришли к единому мнению по проблеме интерпретации зайсановских памятников. За последние годы в результате исследования ряда новых памятников (Реттиховка-Геологическая, Гвоздево-4, Анучино-29 и др.) существенно пополнилась источниковая база. В совокупности с ранее полученными источниками, оценёнными на современном уровне приморского неолитоведения, это даёт более широкие возможности для понимания феномена зайсановской культуры.

Нами предложена концепция, согласно которой зайсановская культура включает в себя локально-хронологические варианты (приханкайский, хасанский, раннезайсановский, юго-восточный) [Крутых, 2011; Крутых, Коломиец, 2010; Крутых и др., 2010; Морева и др., 2010].

Раннезайсановский (верёвочный) вариант. Данный комплекс отмечен на памятниках Посьет-1, Ханси-1, Бойсмана-1, Бойсмана-2, Зайсановка-7, Кировское, Лузанова Сопка-2, Кроуновка-1, Рыбак-1 (рис. 1). Он представляет, вероятно, начальный период зайсановской культуры, известный в настоящее время. Все памятники этой группы располагаются на низких морских, речных и озёрных террасах. Расположение памятников на морском побережье предполагает их использование в качестве сезонных стоянок, что может быть проиллюстрировано на примере наземного жилища подпрямоугольной формы на поселении Зайсановка-7 [Гельман и др., 2003]. На поселении Кроуновка-1 [Вострецов, Сергушева и др., 2003] выявлены остатки овального в плане котлована жилища с округлым очагом в центре и двумя рядами столбовых ям. Анализ каменной индустрии раннезайсановского комплекса затруднён из-за отсутствия информации.

Керамические сосуды изготавливались ленточно-кольцевым налепом. В формовочной массе использовалась формула — глина + дресва. Толщина стенок составляет 4—5 мм. Поверхности заглаживались, в ряде случаев ложились. Переход от дна к стенке плавный или оформлен закраиной. Морфологически сосуды вытянуты по вертикали и представлены плоскодонными изделиями со слабовыпуклым туловом, без горловины или со слегка намеченной горловиной, с широким устьем, которое оформлено простыми округлыми или слегка приострѐнными венчиками.

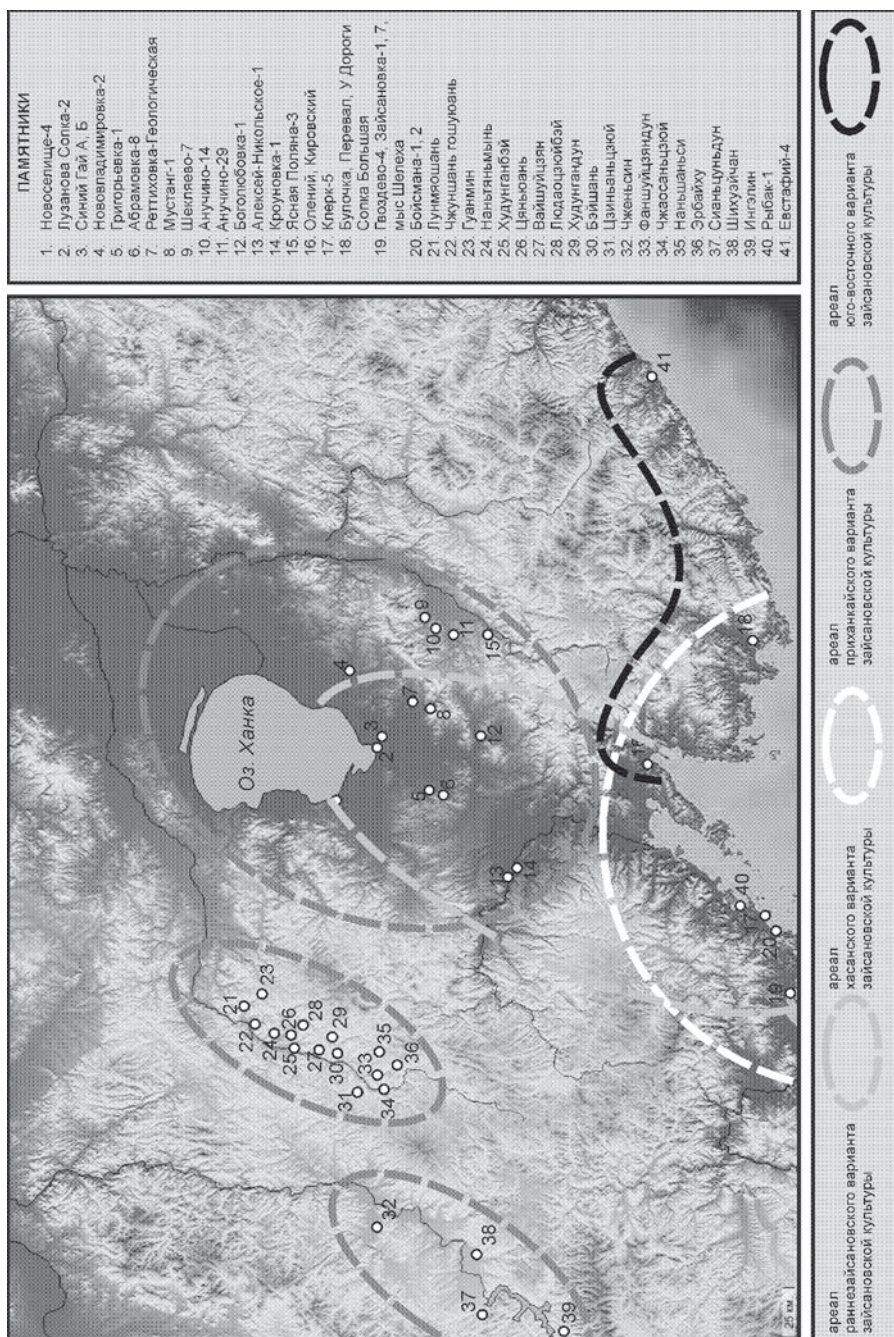

Рис. 1. Карта распространения локально-хронологических вариантов зайсановской культуры

В редких случаях венчики усложнялись уплощённым, округлым или треугольным в сечении валиком. Большинство сосудов орнаментировано. В декоре выделяются штампованный (верёвочный, гребенчатый, гладкий штампы), накольчато-отступающий и прочерченный орнамент. Основными мотивами являются: заштрихованные треугольники, вертикальный зигзаг и горизонтальные ряды или линии, реже использовались сетка, горизонтальный зигзаг, наlepные валики. Узор на тулове располагался сразу под обрезом венчика, придонная часть тулова не орнаментировалась. Композиционно орнамент строился по концентрическому принципу, в нём отмечается чередование орнаментированных и неорнаментированных поясков, а также мотивов. Характерной чертой этого комплекса является традиция выделения венечной зоны особым орнаментом — разнонаклонными линиями (рис. 2) [Вострецов, Гельман и др., 2003; Гарковик, 2003; Гельман и др., 2003; Крутых, Морева, Попов, 2008; Морева и др., 2002].

Хасанский вариант. Ареал хасанских памятников вытянут вдоль побережья Японского моря, северная граница совпадает с северным побережьем залива Петра Великого, а южная достигает северо-восточного берега Восточно-Корейского залива (рис. 1). В Приморье такие комплексы обнаружены на поселениях Гвоздево-4 [Морева и др., 2009; Крутых и др., 2010], Зайсановка-1 [Андреев, 1957; 1959; Гельман, Вострецов, 2008; Окладников, 1958; 1964], мыс Шелеха [Аюшин и др., 1988], Клерк-5 [Klerk..., 2007], Бойсмана-1, Бойсмана-2 (зайсановский слой) [Морева и др., 2002], Олений В, слой II [Бродянский, 1987], Кировский [Морева и др., 2009], Перевал [Медведев, 2000], Булочка [Деревянко и др., 2004; 2005],

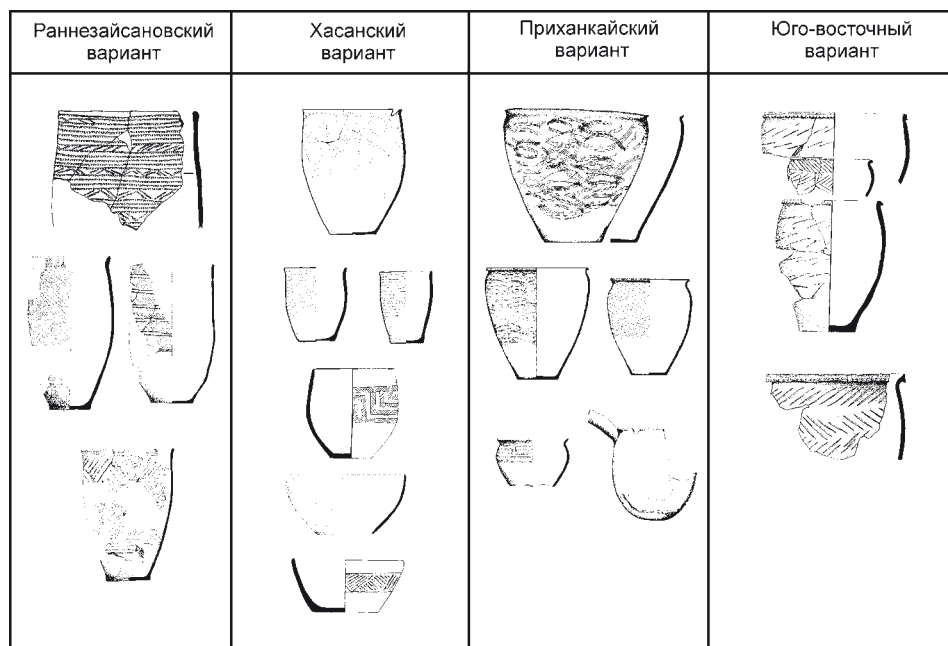

Рис. 2. Зайсановская культура. Керамические сосуды

У Дороги [Окладников, Медведев, 1995]. В Северной Корее такие материалы содержатся в слоях III—IV поселения Сопхохан [Ким Ген Ган, Со Тук Те, 1972; Ларичев, 1978], на памятниках в устье и нижнем течении р. Туманной (Туманган): Бомый Кусок-1 [Ларичев, 1978], Сонпёндон, Ганпён и на северо-восточном побережье Корейского полуострова: Нонпхо, Сонджин [Аримутси, 1990]. В Северо-Восточном Китае памятники локализуются в долине р. Туманной: Цзингушуйкусишань (Сишань) [Ли Цзян, 1994] и Синчэн [Xingcheng..., 2001]. Памятники расположены в прибрежных районах, их местоположение приурочено к мысовидным оконечностям сопков близ устьев рек. Постройки на хасанских памятниках характеризуются в основном как углублённые жилища, реже отмечаются наземные (Гвоздево-4, Зайсановка-1).

В каменной индустрии для производства ретушированных орудий использовалось качественное сырьё, в том числе пектусанский обсидиан. Для изготовления орудий применялась преимущественно краевая одно- и двусторонняя ретушь. В орудийном комплексе преобладали наконечники стрел. Для памятников хасанского варианта характерно разнообразие категорий ретушированных орудий (наконечники стрел, дротики, свёрла, проколки, скребки, ножи). Ярким признаком данного комплекса является присутствие режущих орудий на крупных уплощённых отщепках обсидиана, обработанных краевой ретушью. Набор шлифованных орудий традиционен — наконечники стрел, дротики, топоры, тёсла, причём количество крупных шлифованных орудий невелико. Топоры и тёсла, как правило, овального сечения.

Гончарная традиция хасанского варианта имеет следующие признаки: формовочная масса с примесью дресвы; внешние и внутренние поверхности заглаживались, для небольшой части сосудов характерны обмазывание жидкой глиной и лощение внешней поверхности; изготовление плоскостенных сосудов ленточно-кольцевым налепом по донной программе; сосуды преимущественно без горловины, вытянутых и приземистых форм (в том числе миски); венчики округлые, уплощённые или приострёрнные. Сосуды без горловины усечённо-конические, бокаловидные, с открытым и закрытым устьем, цилиндрической формы с вертикальными стенками, к ним также относятся и миски. В основном они имеют малые (диаметр венчика 5—10 см) и средние (диаметр венчика до 25 см) размеры. Изделия с намеченной горловиной представлены горшковидными сосудами со слабовыпуклыми плечиками, короткой, слегка выделенной шейкой и отогнутым венчиком. Главным образом это крупные ёмкости с диаметром венчика 25—40 см. В орнаменте примерно в равной мере использовались прочерченная и накольчатая техники (отдельно и в сочетании друг с другом), отмечается расположение мотивов по горизонтали и вертикали. Основными мотивами являются вертикальный зигзаг, ёлочные узоры (разорванные зигзаги), ряды коротких наклонных линий, сплошные и разорванные горизонтальные линии, вертикальные линии, заштрихованные треугольники и прямоугольники, сложнофигурный орнамент. Декорировалась верхняя часть тулова. Верхняя граница орнаментального поля

располагалась у края устья или на 1—3 см ниже. Если приустьевая часть не орнаментировалась, то декоративное поле сверху ограничивалось прочерченной линией или 1—3 горизонтальными рядами оттисков овальной лопаточки. Ограничительный бордюр сочетается в основном с прочерченными или комбинированными узорами. Придонная часть чаще всего не орнаментирована. Композиции из узоров выполнены как в единой технике, так и в комбинированной. В одной технике чаще выполнялись орнаменты с горизонтальной, реже вертикальной (столбцы противоположно наклонённых линий) зональностью. Комбинированная техника применяется для создания фигурных, сложнофигурных и меандровых орнаментов. В фигурных орнаментах декор разбивался вертикальными линиями на столбцы, которые в свою очередь горизонтальными и наклонными линиями делились на треугольники, квадраты и параллелограммы, заполненные косыми и горизонтальными параллельно прочерченными линиями и наколами. В сложнофигурных орнаментах изображение разбивается на фрагменты, среди которых выделяются спирали, окружности, треугольники с прямыми и вогнутыми сторонами, горизонтальные и наклонные полосы. Контурные этих фигур прочерчены и заполнены оттисками или прочёсами гребёнки. Меандр прямоугольной и треугольной формы нанесён аналогично сложнофигурным орнаментам. Единичны налпные рассечённые валики, они сочетаются с прочерченным вертикальным зигзагом на тулове. Фигурные композиции и меандры нанесены чаще всего на горшковидные сосуды. Сложнофигурный орнамент и меандр украшали небольшие по размерам изделия и крупные ёмкости с резким перегибом тулова. Чаши украшались широким поясом из треугольников. Керамика со сложнофигурным орнаментом выделяется в отдельную группу: для её изготовления использовалась глина с мелкопесчаной примесью; при обработке тонких стенок применялись приёмы затирки внутренней поверхности гребенчатым инструментом, наружные поверхности ангобировались, окрашивались и ложились (рис. 2).

Следует отметить, что в развитии гончарной традиции хасанского варианта по признаку процентного соотношения прочерченного и накольчатого орнаментов выделяется три этапа [Морева и др., 2009].

Приханкайский вариант. Исследованы материалы более 20 памятников (Реттиховка-Геологическая, Синий Гай А, Б, Шекляево-7, Анучино-14, Анучино-29, Алексей-Никольское-1, Боголюбовка-1, Мустанг-1, Новоселище-4, Лузанова Сопка-2, Кроуновка-1, Абрамовка-8, Григорьевка-1, Нововладимировка-2, Новодевица-4 и др.) (рис. 1). Большинство памятников локализуется в зоне сочленения Приханкайской равнины и окружающих её сопочных массивов, располагаются на уплощённых вершинах (Шекляево-7, Алексей-Никольское-1, Григорьевка-1, Анучино-29) и пологих склонах мысовидных выступов сопок. Памятники имеют преимущественно южную и юго-восточную экспозицию (Реттиховка-Геологическая, Нововладимировка-2, Новоселище-4, Абрамовка-8, Мустанг-1), реже — северную и северо-восточную (Анучино-14, Боголюбовка-1). Внешне они представлены западинами, расположенными

скоплениями или рядами. Ряд памятников приханкайского варианта располагается на речных (Кроуновка-1) и озёрных террасах (Лузанова Сопка-2), у подножия сопок и на невысоких возвышенностях Приханкайской равнины (Синий Гай Б). Их особенностью является отсутствие западин. Выделяется два типа памятников — земледельческие поселения и охотничье-рыболовные сезонные стоянки. Земледельческие поселения имели достаточно сложную структуру, включавшую долговременные зимние и сезонные жилища, хозяйственно-бытовые постройки (хранилища продукции земледелия, мастерские).

Каменная индустрия характеризуется выдержанной технологией изготовления орудий. В качестве сырья использовались кремнистые сланцы, туф, кремень, халцедон, обсидиан, гранитоиды, песчаник. Комплекс первичного расщепления практически не представлен. Основным типом заготовок для ретушированных орудий были отщепы и сколы произвольной формы. При изготовлении каменных орудий применялись техники ретуширования, шлифовки, обивки, пикетажа, пиления и сверления. В состав ретушированных орудий входят наконечники стрел и дротиков, ножи, скобели, вкладыши, скребки, свёрла. Наконечники стрел, дротиков и вкладыши обрабатывались двусторонней бифасиальной ретушью. У скребков, скобелей чаще всего ретушировалась только лезвийная часть. Число морфологически оформленных орудий невелико, что, вероятно, объясняется широким использованием отщепов с ретушью. Шлифованные орудия представлены ножами, наконечниками стрел и рубящими инструментами (топоры, тёсла, долота). При их изготовлении применялись как частичная пришлифовка лезвия, так и полная обработка всей поверхности изделия. При производстве шлифованных рубящих орудий стала применяться техника пиления, в результате получались заготовки подпрямоугольной формы, что существенно ускорило процесс изготовления и позволило получать орудия стандартной формы и размера. Помимо шлифовки для оформления орудий, особенно крупных размеров (мотыги, куранты, тёрочки), использовались пикетаж и оббивка. В комплексе представлены также мотыги трапециевидной, подпрямоугольной и плечиковой формы, куранты сегментовидной и асимметричной формы, трапециевидные тёрочные плиты (зернотёрки).

Для изготовления посуды на приханкайских памятниках применялись два вида формовочной композиции, образованной сочетанием «глина + минеральный отошитель». В первом случае отошитель представлен тальком, во втором — песком или дроблёным кварцем. Вся посуда изготовлена вручную. Формовка сосудов осуществлялась в основном ленточно-кольцевым налепом по программе донного начина. Стык дна и стенок оформлялся чётким углом снаружи и слегка скруглённым — изнутри, закраина отмечена в единичных случаях. Следует отметить, что в комплексе большое количество донышек имеет слегка вогнутую поверхность, сосуды опираются не на всю площадь лепёшки, а лишь на достаточно узкое кольцо по периметру днища. Горловина сосудов оформлялась двумя способами: при первом к краю сосуда, который предварительно отгибался и утон-

чался, или чуть ниже его прикреплялся небольшой валик, в результате венчик в профиле приобретал «единицеобразные» очертания. При втором способе использовался простой отгиб и приострение кромки верхнего края венечной ленты. Стенки сосудов ровные. Обработке заглаживанием подвергалась внешняя и внутренняя поверхность сосудов. Часть сосудов ложились, в редких случаях отмечается обмазка тонким слоем глины.

Ассортимент посуды включает шесть типов сосудов, представляющих тарную, кухонную и специальную (вероятно, ритуальную) посуду (рис. 2).

Тип 1. Высокие горшки с широким горлом, венчиком с наклепным валиком, короткой изогнутой шейкой, слабопрофилированными высокими плечиками, широким дном. Декор характеризуется сочетанием орнаментированного наклепного валика под венчиком и широкого поля прочерченного или оттиснутого верёвочным штампом вертикального зигзага на тулове. Сосуды отличаются средними размерами и, возможно, использовались как кухонная посуда.

Тип 2. Высокие горшки с широким горлом, венчиком с наклепным валиком, короткой изогнутой шейкой, слабопрофилированными высокими плечиками, широким дном. Декор характеризуется сочетанием орнаментированного наклепного валика под венчиком и широкого поля прочерченных дуг на тулове. Сосуды отличаются большими размерами и, видимо, использовались в качестве тары.

Тип 3. Горшки средней высотности с широким горлом, простым отогнутым венчиком, короткой шейкой и покатыми плечиками. От первых двух типов морфологически отличаются чуть меньшей высотностью и более узким дном. Орнаментировались широким полем прочерченных дуг по тулову, венчик не декорировался. Отличаются крупными размерами и толщиной стенок более 1 см. Вероятно, служили тарой для хранения зерна.

Тип 4. Небольшие приземистые горшки с простым отогнутым венчиком, крутыми высокими плечиками и узким дном. Орнаментировались бордюром меандра, венчик не декорировался. Можно предположить, что они использовались как «парадная» или ритуальная посуда.

Тип 5. Небольшие ковши с простым приострѐнным, слегка отогнутым венчиком, цилиндрическим туловом, круглым дном, ручкой, прикреплѐнной чуть ниже края венчика. Сосуды не орнаментировались. Не исключено, что подобные изделия были мерными ёмкостями, например для зерна.

Тип 6. Чаши.

В развитии керамической традиции приханкайского варианта мы можем отметить два этапа. Первый прослеживается в поселениях Синий Гай А, Алексей-Никольское-1, Мустанг-1. Второй включает большинство исследованных памятников — Реттиховка-Геологическая, Анучино-29, Боголюбовка-1, Лузанова Сопка-2 и др. Разграничить этапы по радиоуглеродным датировкам мы не можем, так как имеющиеся у нас даты касаются только памятников второго этапа. В динамике традиции от первого этапа ко второму прослеживается исчезновение сосудов с плечиками средней высотности, штампованной техники нанесения вертикального зигзага и развитие мотива меандра.

Необходимо отметить, что достаточно полные аналогии керамике приханкайского комплекса прослеживаются в материалах памятников на территории Маньчжурии, в долинах р. Муданьцзян и р. Мулинхэ [Ким Чже Ен, 2009] (рис. 1).

Юго-восточный вариант. В этот комплекс входят материалы памятников, территориально расположенных в Юго-Восточном Приморье, у с. Владимиро-Александровского (Сопка Большая, У дороги, Перевал, Под Липами, Булочка и др.), а также Олений А [Бродянский, 1987, с. 43—47] и Евстафий-4 [Гарковик, 1986б] (рис. 1). Материалы памятников Сопка Большая, У дороги (Лагуна Лебяжья), Под липами представлены в специальной работе [Окладников, Медведев, 1995]. В 2000 г. опубликованы материалы поселения Перевал [Медведев, 2000], а в 2004 г. — материалы новых работ на памятнике Булочка [Деревянко и др., 2004]. Поселения расположены в основном на сопочных мысах, реже на низких террасах (У дороги). Характерны углублённые жилища четырёхугольной в плане формы, врезанные уступом в склон, с округлым очагом в центре. В целом общее описание соответствует характеристике приханкайских построек. Следует отметить, что, вероятно, на трёх памятниках (Перевал, Булочка, У дороги) присутствуют материалы хасанского варианта. Учитывая, что исследователи памятников не проводили деления зайсановских материалов, в составе комплексов мы отметим лишь те черты, которые выходят за рамки хасанского комплекса.

В каменном инвентаре интересны находки рубящих шлифованных орудий подпрямоугольных в сечении (Под липами, Перевал), мотыг плечиковой формы. Характерно разнообразие форм курантов (подпрямоугольные, сементовидные, асимметричные).

Керамический комплекс с приханкайским сближают такие признаки, как горшковидная форма сосудов, усложнённый наlepным валиком венчик, прочерченный орнамент на тулове по мотивам вертикального зигзага, косых рядов штрихов (рис. 2). О.В. Яншина предложила концепцию восточной группы приханкайских памятников (Евстафий-4, Сопка Большая), материалы которой близки к приханкайской группе, прежде всего в характеристике керамики (формы сосудов, венчики, декор), но отличаются орнаментом в виде горизонтальных поясков наклонных бороздок. По её мнению, памятники этой группы сформировались при продвижении приханкайского населения в юго-восточную часть Приморья [Яншина, 2003; Яншина, Клюев, 2005б, с. 197]. Дальнейшее исследование этих памятников, вероятно, позволит подтвердить или опровергнуть эту точку зрения, но, безусловно, сходство между группами значительное.

Концепция. В целом различия в каменном инвентаре и керамических изделиях между рассмотренными комплексами (раннезайсановский, хасанский, юго-восточный, приханкайский) оцениваются нами как следствие развития единых неолитических традиций в гончарстве и камнеобработке, проявившихся в нескольких последовательных этапах позднего неолита. Вместе с тем для каждого комплекса характерен свой не совпадающий полностью с другими ареал, что даёт возможность рассматри-

вать их как территориально-хронологические группы позднего неолита Приморья. Кроме того, эти комплексы объединяют общие признаки как в гончарстве, так и камнеобработке, которые свидетельствуют о единой культурной основе. Проблема интерпретации памятников на восточном побережье Приморья (Валентин-перешеек, Рудная Пристань) требует отдельного рассмотрения. Различия хорошо согласуются с географическим местоположением и датировками комплексов, что позволяет интерпретировать раннезайсановский, хасанский, юго-восточный и приханкайский комплексы как локально-хронологические варианты одной неолитической традиции, рассматриваемой нами в рамках зайсановской культуры.

Исходя из имеющихся датировок, можно построить следующую периодизацию: раннезайсановский комплекс — 4700—4600 л.н. [Вострецов, Сергушева и др., 2003, с. 374; Гельман и др., 2003], хасанский вариант — 4600—3800 л.н. [Крутых и др., 2010; Морева и др., 2009], приханкайский комплекс — 3800—3300 л.н. Достаточно поздний характер дат с поселений Под липами (3915 ± 50 л.н., 3635 ± 30 л.н.) [Окладников, Медведев, 1995, с. 608] и Булочка (3240 ± 50 л.н.) [Деревянко и др., 2004, с. 297], вероятно, говорит об одновременности существования памятников юго-восточного и приханкайского комплексов. Однако определить соотношение юго-восточного и приханкайского комплексов в настоящее время затруднительно.

Мы рассматриваем зайсановскую археологическую культуру как формально-типологическую, выделенную на основании типологии и классификации культурно значимых признаков. Понятие «археологическая культура» допускает обособление отдельных групп памятников в качестве «вариантов культуры» или других категорий [Клейн, 1991]. Исходя из этого, нам представляется вполне обоснованным использовать интерпретационные возможности понятия «локально-хронологический вариант археологической культуры» при решении проблемы культурной принадлежности рассматриваемых групп памятников. Как уже отмечалось, проблемы внутренней структуры зайсановской культуры к настоящему времени не получили решения, поэтому значительная часть памятников структурирована предварительно (раннезайсановский комплекс, хасанский вариант). Наиболее чётко очерчены признаки приханкайского комплекса.

В современной исследовательской ситуации можно принять комплекс признаков приханкайского локально-хронологического варианта за основу фокуса [Клейн, 1991] зайсановской культуры (т.е. считать приханкайский локально-хронологический вариант базовым вариантом, а его фокус соответственно основным фокусом зайсановской культуры). Поздний характер варианта не может являться препятствием для придания ему смысла основы зайсановской культуры. Значение в данном случае имеет только степень разработки типологического варианта. Другие группы памятников этой культуры можно рассматривать как её варианты, даже если считать их выделение «авансированным». Уровень развития неолитоведения Приморья позволяет ожидать формирования типологических других вариантов зайсановской культуры в ближайшей перспективе.

Безусловно, предлагаемая концепция носит предварительный характер и нуждается в дополнительной аргументации, которая может быть получена как в ходе исследования новых памятников, так и тщательного анализа имеющейся информации. Но, на наш взгляд, использование предлагаемого подхода к изучению зайсановских памятников позволит наиболее чётко охарактеризовать культурные процессы, происходившие на завершающей стадии каменного века Приморья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев Г.И. Поселение Зайсановка-1 в Приморье // Сов. археология. 1957. № 2. С. 121—145.
2. Андреев Г.И. Побережье Южного Приморья в III—I тысячелетиях до нашей эры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1959. 16 с.
3. Андреев Г.И. Некоторые вопросы культур Южного Приморья III—I тысячелетий до н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 86. С. 136—161.
4. Аюшин Н.Б., Бродянский Д.Л., Раков В.А. Древности мыса Шелеха в заливе Посьета // Очерки тихоокеанской археологии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. С. 101—116.
5. Бродянский Д.Л. Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тыс. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1969. 20 с.
6. Бродянский Д.Л. Раскопки у с. Синий Гай в Приморье // Археологические открытия 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 270—271.
7. Бродянский Д.Л. Приамурско-маньчжурская археологическая провинция в IV—I тысячелетиях до н.э. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий: сб. науч. тр. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1975. С. 179—185.
8. Бродянский Д.Л. Каменный век: учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1977. 76 с.
9. Бродянский Д.Л. Проблема периодизации и хронологии неолита Приморья // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск: Наука, 1979. С. 110—115.
10. Бродянский Д.Л. Неолит Приморья // А.П. Окладников, Д.Л. Бродянский, Су Бу Чан. Тихоокеанская археология. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1980. С. 28—50.
11. Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 276 с.
12. Бродянский Д.Л. Неолит и палеометалл Южного Приморья: дис. ... д-ра ист. наук в виде науч. докл. Новосибирск, 1995б. 50 с.
13. Валентин-перешеек — посёлок древних рудокопов / Ж.В. Андреева, А.В. Гарковик, И.С. Жушиховская, Н.А. Кононенко. М.: Наука, 1987. 248 с.
14. Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Кроуновка-1 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 373—378.
15. Вострецов Ю.Е., Гельман Е.И., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новый керамический комплекс неолитического поселения Кроуновка-1 в Приморье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 86—93.

16. Вострецов Ю.Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы и гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159—186.
17. Гарковик А.В. Некоторые вопросы изучения зайсановской культуры // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР: материалы XIII Дальневост. науч. конф. по пробл. отеч. и заруб. историографии. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986а. С. 115—120.
18. Гарковик А.В. Поселение Евстафий-4 в Приморье // XV Дальневосточная конференция «XXVII съезд КПСС и проблемы развития Дальнего Востока СССР и зарубежных государств Азии»: тез. докл. и сообщ. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986б. Вып. 4. С. 24—25.
19. Гарковик А.В. Новый неолитический памятник Боголюбовка-1 // Древние культуры Дальнего Востока СССР (археологический поиск). Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 8—10.
20. Гарковик А.В. Формирование источниковой базы (на примере изучения археологических памятников Приморья) // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока: (проблемы исторической интерпретации археологических источников). М.: Наука, 1994. С. 16—54.
21. Гарковик А.В. Неолитический керамический комплекс многослойного памятника Рыбак-1 на юго-западном побережье Приморья // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 94—101.
22. Гельман Е.И., Исакова Т.В., Вострецов Ю.Е. Керамический комплекс неолитического поселения Зайсановка-7 // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока: Третья междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 128—135.
23. Гельман Е.И., Вострецов Ю.Е. Орнамент керамики поселения Зайсановка-1 // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: материалы междунар. археол. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.П. Окладникова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 49—56.
24. Деревянко А.П., Ким Бон-Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В., Хон Хен-У. Древние памятники Южного Приморья: Отчёт об исследовании поселения Булочка в 2003 г. Сеул: Гос. исслед. ин-т культурного наследия Республики Корея, 2004. 344 с.
25. Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Хон Хен У, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В. Отчёт о раскопках на сопке Булочка в Партизанском районе Приморского края в 2004 г. Сеул: Гос. исслед. ин-т культурного наследия Республики Корея, 2005. Т. 1. 368 с.
26. Дьяков В.И. Неолит Приморья (факты и гипотезы) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: тез. докл. к регион. конф. 25—27 марта 1980 г. Иркутск, 1980. С. 77—79.
27. Ким Чже Ен. Керамика позднего неолита Приморья и сопредельных территорий Восточной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2009. 30 с.
28. Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. 448 с.
29. Клюев Н.А., Яншина О.В. Культурно-исторические связи населения Приморья в эпоху позднего неолита (по материалам приханкайской группы памятников) // Четвёртые Гродековские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. «Приморье в историко-культурном и естественно-научном контексте России». Хабаровск: Хабар. краев. музей им. Н.И. Гродекова, 2004. Ч. 2. С. 197—202.
30. Крутых Е.Б., Морева О.Л., Попов А.Н. Керамические комплексы позднего неолита памятника Лузанова Сопка-2 // Столетие великого АПЭ: к юбилею

- акад. Алексея Павловича Окладникова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 139—156.
31. Крутых Е.Б., Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Малков С.С., Сергушева Е.А. Проблемы интерпретации неолитического комплекса памятника Гвоздево-4 (Южное Приморье) // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток, 2010. С. 176—190.
 32. Крутых Е.Б., Коломиец С.А. Финальный неолит Приморья: состояние изученности, концепции, перспективы исследований // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 3. С. 79—93.
 33. Крутых Е.Б. Финальный неолит Приморья (по материалам памятников Приханкайской равнины): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 26 с.
 34. Ларичев В.Е. Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, 1978. С. 9—87.
 35. Ли Цзян. Предварительное изучение керамики с резным орнаментом из восточной части Дунбэя // История и культура Востока Азии. Новосибирск: Наука, 1994. С. 77—82.
 36. Медведев В.Е. Поселение Перевал на юге Приморья // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 40—48.
 37. Морева О.Л., Попов А.Н., Фукуда М. Керамика с верёвочным орнаментом в неолите Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 57—68.
 38. Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Малков С.С. Предварительные результаты изучения неолитического памятника Гвоздево-4 в Южном Приморье // От Монголии до Приморья и Сахалина. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 52—104.
 39. Окладников А.П. Древнейшие культуры Приморья в свете исследований 1953—1956 гг. // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 5—80.
 40. Окладников А.П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 172—193.
 41. Окладников А.П., Медведев В.Е. Неолит Южного Приморья: по материалам раскопок поселений // Древние культуры Азии. Сеул: Изд-во Хакён, 1995. С. 601—619.
 42. Яншина О.В. Финальный неолит — бронзовый век Приморья: систематизация археологических памятников: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001. 26 с.
 43. Яншина О.В. К проблеме однородности зайсановской археологической культуры Приморья // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока: Третья междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 109—121.
 44. Яншина О.В., Клюев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы и гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 187—233.
 45. Аримутси К. Неолитическая керамика Кореи // Сочинения. Киото, 1990. Т. 1. 224 с.
 46. Ким Ён Ган, Со Гук Тхэ. Отчёт о раскопках памятника Сопхохан // Сборник статей по археологии и этнографии. Пхеньян: Изд-во «Общественные науки», 1972. 145 с.
 47. Klerk 5 Site. Excavation in 2005 / Yu.E. Vostretsov, V.A. Rakov, M. Komoto, K. Miyamoto, K. Shiba, H. Obata, N. Tomioka, K. Yoshida, T. Nishimoto, K. Kobatashi, M. Sakamoto, H. Matsuzaki. Kumamoto: Shimoda Print Joint Stock Company, 2007. 54 p.
 48. Xingcheng at Helong County: Excavation Report on the Neolithic and Bronze Site. Beijing, 2001. 178 p.